

ные пункты горной и степной части Крыма херсонесские амфоры вывозились и в качестве товара.

Своеобразным способом употребления амфор в Херсонесе является применение их для детских погребений и в качестве урн. Так, например, при раскопках 1936—1937 гг. на северном берегу Херсонеса, в некрополе были найдены различные эллинистические амфоры, содержащие детские костяки. В 1936 г. их было найдено 18, в 1937 г.—9. Следовательно, такой способ употребления амфор для древнегреческого Херсонеса не являлся случайным, наоборот—вполне обычным и нормальным. Вряд ли можно сомневаться, что крупного масштаба производство амфор в Херсонесе в основном обеспечивало потребности внутреннего рынка. В большом количестве встречаемые фрагменты амфор из Синопы, Родоса, Фазоса и Гераклеи Понтийской (о чем можно судить по клейменым ручкам) прежде всего связаны, несомненно, с импортом из этих стран в Херсонес вина или масла. Использование этих амфор в хозяйстве Херсонеса несколько не противоречит сказанному, так как они попали в Херсонес именно в виде тары, а не в качестве товара.

П. Б. Азмеров

Древние культуры северо-востока Азии по данным археологических исследований 1946 г. в Колымском крае

Среди очередных задач советской археологической науки, достигшей за последнюю четверть века блестящих успехов в изучении древностей нашей родины, немаловажное место занимают вопросы, связанные с изучением отдаленного прошлого северо-востока Азии. Значение их определяется уже тем, что внимание виднейших ученых, преимущественно этнографов, антропологов, археологов, издавна привлекали исторические судьбы и своеобразные культуры таких северных племен, как эскимосы (юнты), чукчи (луораветланы), коряки (нымылланы), юкагиры (одулы) и родственные им чуванцы. Этим племенам посвящены капитальные труды В. Г. Богораза, В. И. Иохельсона, Ф. Боаса, они продолжают живо интересовать советских и зарубежных ученых нашего времени.

Если в XIX в. исследователи занимались главным образом описанием общего состояния этих племен и их культур в статике, то сейчас наибольшее внимание уделяется их историческим судьбам, происхождению и развитию. Именно в этом плане строились, например, многолетние исследования американских ученых в Аляске. Важность этих исследований для американских ученых определяется прежде всего тем, что, как полагают, именно Аляска является теми «воротами», через которые впервые должен был проникнуть человек из Старого Света в Новый.

В чисто историческом плане определяются исследовательские интересы на северо-востоке и советских ученых, которых, однако, занимает не только уже поставленная американцами проблема первичного заселения американского континента человеком, но и другие темы такого же всемирноисторического характера. Едва ли не важнейшая из них—о своеобразии культурно-исторического развития на Севере, о его специфических путях, формах и темпах, т. е., в конечном счете, о том, какое место занимают его коренные обитатели в общечеловеческом процессе культурного творчества, в великом движении человечества от низших ступеней культуры к более высоким.

Как известно, северные племена к моменту своей первой встречи с европейцами резко отстали от них во всех отношениях. Их техника, экономика, общественные отношения и все проявления культуры в большей или меньшей степени приближались к тому первобытному состоянию, которое в Европе целиком лежит за пределами писаной истории и отделено от современности даже не веками, а тысячелетиями. Отсюда не трудно было сделать общий вывод, что на севере и не существовало никакой истории, а северные племена являются своего рода «живыми окаменелостями», что они всегда находились в стороне от общего исторического развития человечества.

Однако тщательное и глубокое изучение фактов привело более внимательных и прогрессивно настроенных ученых к иным взглядам. Фр. Нансен, например, одним из первых заметил, что даже такой маленький и, казалось бы, чрезвычайно первобытный народ Крайнего Севера, как эскимосы, на самом деле занимает весьма оригинальное и в этих конкретных условиях даже почетное положение. Им выпало на долю, говорит Нансен, быть авангардными представителями человечества в его борьбе с мраком полярной ночи, льдами и пургами арктических пространств. Еще в условиях каменного века, продолжает Нансен, имея невыразимо мало средств для борьбы с враждебной человеку природой Арктики, они тем не менее устояли против нее. Более того, этот маленький арктический народец, вооруженный только камнем и костяными орудиями, сумел создать своеобразную и характерную культуру, которая по праву должна занять особое место в ряду других племенных культур земного шара.

Такие выводы, основанные на знакомстве с живой этнографической действительностью Крайнего Севера, нашли неожиданно яркие подтверждения и дополнительную опору в новейших археологических исследованиях на территории Аляски, где удалось проследить последовательную историю эскимосского племени и его культуры на протяжении примерно трех тысячелетий. Именно в данном общеисторическом плане строятся и те археологические исследования на Севере, которые в течение ряда лет осуществляет Институт истории материальной культуры им. Н. Я. Марра Академии Наук СССР в сотрудничестве с другими научными учреждениями—Арктическим научно-исследовательским институтом Главсевморпути, Научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории при Совете Министров ЯАССР, Якутским республиканским музеем и некоторыми другими научными учреждениями.

Если в предшествующие годы эти работы ограничивались последовательным изучением одной из величайших водных артерий Азии—реки Лены, то в 1946 г. они были перенесены в долину р. Колымы и отчасти на прилегающие к ней районы Дальнего Востока, где и явились составной частью широко задуманных исследований чукотской (Северо-восточной) экспедиции Института этнографии и ИИМК. Ближайшей задачей их являлось прежде всего выяснение общего характера тех древних культур, которые существовали в прошлом на северо-востоке, и их отношений к уже известным культурам других областей как Старого, так и Нового Света.

Археологические исследования 1946 г. в Колымском крае начаты были в районе Магадана—столицы обширного и бурно растущего молодого края, поражающего темпами своей индустриальной жизни.

В рекордные сроки и с максимальной эффективностью были осуществлены заранее намеченные рекогносцировочные исследования в четырех пунктах: на о. Завьялова (Ольском), на м. Алевина, п/о Кони и в местности Атаргана вблизи Олы.

В двух пунктах—на о. Завьялова (Ольском) и в Атаргане—уже имели место предварительные разведки, осуществленные в свое время на о. Завьялова известным исследователем северо-востока геологом А. В. Цареградским, а затем также М. Г. Левиным и В. И. Левиным, а в Атаргане Охотско-Колымским Краеведческим музеем (ОККМ). М. Г. Левин произвел в 1930—1931 гг. весьма тщательные и довольно широкие по масштабам разведочные раскопки на Ольском острове, в результате которых там были обнаружены поселения двух различных эпох—неолитические и более поздние, коряцкие.

Вместе с результатами предшествовавших исследований новые наблюдения 1946 г. дали отчетливое представление о той своеобразной древней культуре, которая принадлежала предкам коряков, заселявших эти места до проникновения сюда оленеводов-эвенов (в XV—XVI вв. н. э.). В уютных бухтах, огражденных скалистыми мысами, около бурных речек, изобиловавших рыбой, на фоне девственной природы Охотского побережья стояли настоящие деревни каменного века. Это были обширные полуподземные жилища коряцкого типа, от которых остались высокие бугры с углублением посередине, сплошь заросшие высокой и пышной травой. Бугры эти образованы из мощных наслоений раковин и костей морского зверя. Основным занятием жителей таких приморских поселков были, следовательно, охота на морского зверя, собиратель

ство и рыбная ловля. Они успешно занимались и охотой на сухопутного зверя, в том числе на медведя. Смелые охотники каменного века являлись, вместе с тем, и отважными мореходами, о чем свидетельствуют их поселения на морских островах. Внутри жилищ остались многочисленные изделия из кости и камня, в том числе разнообразные гарпуны для охоты на морских зверей, наконечники копий, остатки луков и даже части составного панцыря из костяных дощечек, а также образцы разнообразной домашней утвари.

Весь этот обильный материал свидетельствует об очень сложной истории древней корякской культуры и ее связях с различными племенами прошлого. Круглодонная форма сосудов и орнаментика сближает их, например, как с Северной Америкой, так и с сибирскими культурами; каменные и костяные орудия (гребни для расчесывания волокон дикорастущих текстильных растений, миндалевидные топоры с линзовидным сечением) ближе всего к изделиям, известным на Амуре и на соседних островах Восточной Азии. Предки коряков, издавна заселивших узкий прибрежный коридор между Америкой на востоке и Якутией на западе, представляли, таким образом, звено в единой цепи культур приморских зверобоев каменного века, тянувшейся от айнов на Курильских островах, Сахалине и Хонсю, а также алеутов, к эскимосам и чукчам. В то же время они исторически связаны были, повидимому, и с глубинными культурами двух величайших континентов, испытывая их влияние.

Продолжение разведочных работ в долине реки Колымы привело затем к неожиданному заключению: верховья этой реки с их относительно мягким климатом, со своеобразной и гораздо более богатой, чем в соседней Якутии, природой оказались почти целиком лишенными следов древней человеческой культуры. Единственными археологическими памятниками, встреченными на пространстве от овеянного юкагирскими легендами скалистого острова Столб вблизи устья р. Коргодон до Среднеколымска оказались удивительные «мастерские», расположенные не на высоких речных террасах, как обычные древние поселения, а прямо на древних галечных валах. «Мастерские» эти, где обработка камня ограничивалась отбором подходящей гальки, опробованием ее и грубой подтеской, живо напомнили описанные Йохельсоном периодические путешествия древних юкагиров на плотках вниз по Колыме. Остановливаясь на подходящих местах у низких берегов реки, предки этих позднейших колымских путешественников могли собирать гальку и наспех обрабатывать ее как полуфабрикат, который должен был впоследствии пойти в дело.

Следы настоящей стоянки каменного века, и даже не одной, а по крайней мере трех, впервые оказались значительно ниже по Колыме, уже в нижнем ее течении—в местности Лабуя. На живописном скалистом мысу около речки Лабуя уцелели пожевидные пластинки из прозрачного вулканического стекла—обсидиана, скребки, нуклеусы резцы, многочисленные отщепы и обломки глиняной посуды. Такие же стоянки и в одинаковых условиях—вблизи речек, на скалистых мысах—оказались затем в Помазино, Нижних Крестах и Петушках.

Исследование этих стоянок окончательно доказало, что верховья Колымы никогда не были густо заселены человеком и не служили главным путем его расселения. Вместе с тем стало ясно, что заселение этой части северо-востока Азии шло в ином направлении. На стоянках каменного века в низовьях Колымы встречены наконечники стрел специфической формы и техники—из частично отделанных ретушью тонких пожевидных пластинок. Там обнаружена и столь же специфическая по типу керамика—обломки небольших тонкостенных сосудов с поверхностью, характерно отделанной штрихами и шахматными вдавлениями в виде сетки. Совершенно такие же наконечники стрел и керамика характерны для весьма ранних неолитических стоянок Нижней Лены (Уолба). Оттуда, с запада, очевидно, и явились около 4 тысяч лет назад в низовья Колымы ее древние обитатели—озерные рыболовы и бродячие охотники лесотундры, имевшие какую-то связь не только с Нижней Леной, но и с более западными областями Севера. Об этом свидетельствует наличие оригинальных наконечников стрел из тонких пластинок с черенком, лишь частично оформленных ретушью, и наконечников иного рода—трехгранных стержней в виде «подшылка», сплошь ретушированных со всех трех сторон.

Наконечники первого рода известны из могил на Южном Оленьем Острове в Карелии и из скандинавских могил с ходами. Наконечники второго типа сменяют их в скандинавских могилах с каменными ящиками, причем такая же, как в Прибалтике, последовательность в хронологической смене этих наконечников отмечена и для Якутии. Столь далеко идущее соответствие, конечно, не может быть объяснено одной только конвергенцией или диффузией изолированных культурных элементов.

Нижнеколымские находки, таким образом, рельефно показали необычайно широкое распространение этой древнейшей субарктической культуры Северной Азии, а вместе с тем осветили и особо важную ее роль в истории первоначального освоения человеком нашего Крайнего Севера.

Но и эти стоянки древнего субарктического неолита Северной Азии обрываются в долине Колымы вместе с узкой полосой лесотундры. За крайними островками лесов

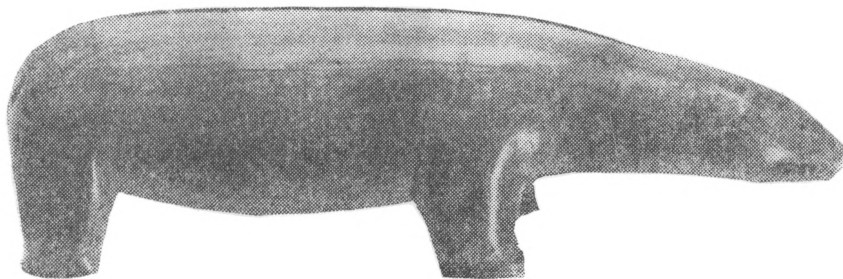

Рис. 1. Изображение белого медведя. Баранов мыс. Восточная бухта

расстиляется уже настоящая голая тундра и одновременно вновь начинается неосвоенная в древности человеком область, подобная той, которая находится в таежных верховьях Колымы.

Тем интереснее новые археологические памятники, обнаруженные на самых берегах Ледовитого океана в таких же примерно условиях, как и древнекоряцкие поселки Охотского побережья, но далеко севернее их и на фоне гораздо более суровой природы. Памятники эти замечательны уже тем, что с ними связаны первые в истории Арктики археологические раскопки с научной целью. Более 150 лет назад, в конце XVIII в., внимание русского моряка исследователя Арктики Г. Сарычева привлекли «обвалившиеся земляные юрты» в одной из бухт к северу от Баранова Камня, примерно в 70 км к востоку от устья Колымы. Вместе с костями северного оленя и морского зверя он нашел в них «черепья от разбитых глиняных горшков» и два каменных ножа.

Специальные поиски места раскопок Г. Сарычева привели нас в маленькую бухту, расположенную к северу от высокой столовой горы, увенчивающей Баранов мыс. Гора эта и была, очевидно, «Барановым Камнем» наших мореходов XVIII в., а бухта, действительно, во всем напоминала описанную Сарычевым долину, представлявшую, по его словам, «лучшее место по всему Ледовитому морю».

Вдоль небольшого ручейка с чистой пресной водой на пологом склоне возвышенности здесь уцелели и отмеченные Сарычевым остатки пяти древних земляных юрт, одна из которых была им раскопана. Раскопки двух таких древних жилищ, находившихся в «бухте Сарычева», и третьего жилища в соседней бухте дали чрезвычайно обильные и разнообразные находки. Все эти древние юрты представляли собой остатки своеобразных деревоземляных сооружений, устроенных на естественных возвышенностях. Крыша их была засыпана толстым слоем земли, а стены были устроены из наклонно вкопанных в глинистую почву тундры и плотно примыкавших друг к другу в виде «частокола» тонких столбов. Нижние концы столбов обработаны были совсем не так, как столбы нашего времени. Древние строители оставили на них явственные следы не острого металлического, а тупого каменного топора. Именно такие постройки

Рис. 2. Наконечники гарпунов. Жилище № 5. Баранов мыс. Бухта Сарычева

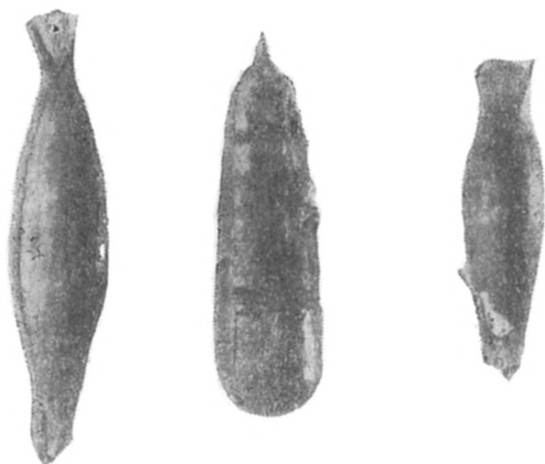

Рис. 3. Изображение тюленей и костяной грузик. Жилище № 5. Баранов мыс. Бухта Сарычева

видел в начале XVIII в. на соседних Медвежьих островах сержант Андреев, по образному выражению которого дерево было там скорее «зубами грызено», чем рублено в нашем смысле этого слова. Тем не менее древние обитатели «бухты Сарычева» сумели построить своими каменными топорами достаточно внушительные по тем временам жилища: одно из них по своей площади превышало в общей сложности 100 кв. м и состояло из собственно жилища и двух хозяйственных пристроек, расположенных по бокам туннелеобразного входного коридора. Внутри жилища, не считая бесчисленных костей животных, остались сотни различных предметов—остатки домашней утвари, охотничьего снаряжения и оружия.

Больше всего здесь было найдено в 1946 г., как и 150 лет назад Сарычевым, черепков глиняной посуды. Жители Баранова мыса имели большие, тяжелые, с чрезвычайно толстыми стенками глиняные сосуды. Дно их было не плоским, а круглым, стенки же покрыты широкими рубчиками и штрихами. Столь же часты шиферные и шлифованные ножи, о которых писал Сарычев. Они двух видов: для домашних работ—полулунные, принадлежавшие женщинам, и кинжаловидные—мужские. Нашлись здесь и многочисленные каменные скребки для обработки шкур и каменные тесла или топоры. Едва ли не самыми замечательными находками среди всего этого множества вещей являются целиком сохранившиеся тяжелые деревянные рукояти для каменных и костяных топориков или тесел. Из костяных вещей первое место по праву принадлежит наконечникам гарпунов поворотного типа с острыми вставными лезвиями из камня в специальных боковых желобках.

Нельзя не отметить, наконец, и еще одной специфической группы находок—миниажурного лучка с тетивой, таких же стрел, блюд-корытцев, байдарки и весел, а также крошечной юлы-волчка. Эти игрушечные по размерам изделия, несомненно, и на самом деле служили детскими игрушками. Жители приморских поселков, существовавших много веков назад, берегли и любили своих детей.

Что касается образа жизни и занятий прежних владельцев всего этого разнообразного имущества, то достаточно было одного только взгляда на него, чтобы сразу стало ясно, что здесь жили такие же, как на Охотском побережье, морские охотники-зверобой, в промыслово-хозяйственном инвентаре которых первое место принадлежало именно тем видам охотничьего вооружения и снаряжения, которые предназначены для охоты на морского зверя. О масштабах этого промысла свидетельствует обилие костей морских животных в жилищах;—в них повсюду встречались кости тюленя и моржа. Иногда, очевидно, жители поселков на Барановом мысу добывали и кита. В одном жилище нашелся позвонок кита, в другом—целое ребро, заменявшее стропило или балку; во всех жилищах встречался китовый ус.

Но во всех своих частных признаках культура эта резко отличалась от древней коряцкой. Она, несомненно, принадлежала совершенно другой этнической группе, совсем иному племени. Почти все находки на Барановом мысу обнаруживают поразительное сходство с такими же по типу и технике изделиями, найденными в Аляске и на Чукотском полуострове вдоль Берингова пролива. Это была чисто эскимосская, по всем ее отличительным признакам, культура. Резьма важно при этом то обстоятельство, что уже впервые наши находки на Барановом мысу по американским масштабам имели довольно глубокий возраст, датируясь гарпунами типа бирнирк и гуле; когда же было вскрыто третье жилище, в соседней к востоку

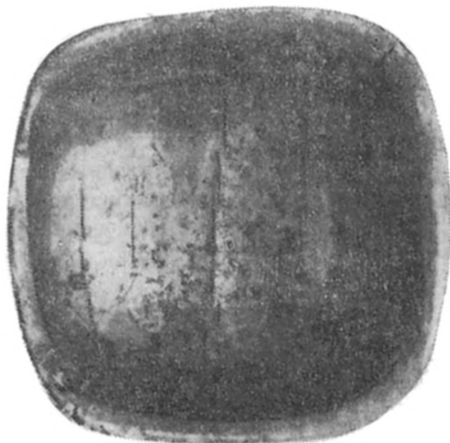

Рис. 4. Чашечка, вырезанная из клыка моржа. Баранов мыс. Восточная бухта

бухте, там оказались и еще более древние вещи. Два найденных там гарпуна покрыты тончайшим резным узором в особом орнаментальном стиле, совершенно таком же, как на оригинальных изделиях из древнейших эскимосских поселений на берегах Аляски и Чукотского полуострова. Как форма гарпунов, так и орнамент характерны для древнеберингоморской стадии («первый берингоморской стиль»). В руинах того же дома сохранилось и еще одно замечательное по его типичной художественной

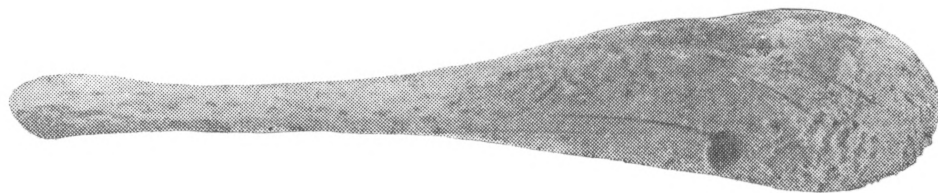

Рис. 5. Рукоятка для костяного или каменного топорика. Жилище № 1. Баранов мс. Бухта Сарычева

форме изделие—вырезанная из клыка моржа скульптурная фигурка белого медведя. Подобные реалистические изображения белого медведя также известны в классических памятниках древнеэскимосской культуры на Аляске.

Раскопки в районе Баранова Камня вместе со старыми случайными находками Свердруп на Медвежьих островах со всей очевидностью показали, таким образом, что та древняя приморская культура охотников на морского зверя, с которой генетически связаны позднейшие эскимосы и, повидимому, сидячие чукчи, простиралась в древности вплоть до устья реки Колымы, но вместе с тем она имела здесь много особого, была своеобразным локальным вариантом.

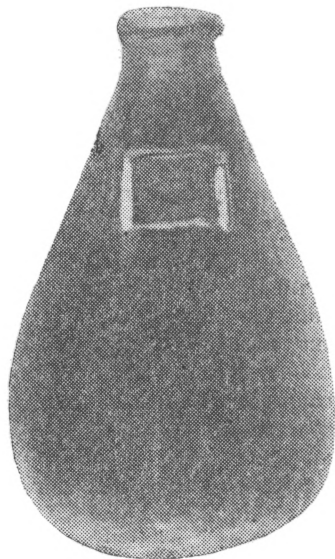

Рис. 6. Изделие из клыка моржа. Баранов мс. Восточная бухта

Существовавшая на протяжении ряда веков в районе устья Колымы древняя приморская культура не обнаруживает пока прямой связи с той континентальной субарктической культурой, которая была распространена по соседству с ней, в зоне лесотундры. Между ними, повидимому, не только большой хронологический, но и культурно-этнический разрыв. Можно предполагать, что в долине Колымы встретились две различных по культуре и происхождению племенных группы. Одна из них уже с древнейших времен двигалась с запада по лесотундре. Это были охотники на дикого оленя и рыболовы. Позднее вдоль берегов океана и по морским островам, с востока на запад, в пустынном до этого приморском пространстве стали расселяться охотники на морского зверя—предки эскимосов и оседлых чукчей. В таких, пока еще общих, контурах на-

чинает раскрываться на основе археологических данных навсегда, казалось бы, утраченная и забытая история Северо-востока, отдаленное прошлое населявших его с глубокой древности племен. Прямая обязанность советских археологов и этнографов перед русской и мировой наукой—продолжать археологические и историко-этнографические работы в этом плане на столь же обширных, как и слабо изученных пространствах нашего Северо-востока, включая сюда район Амура, где, вероятно, и лежит ключ к многим важнейшим проблемам древней истории Северо-востока.

А. П. Окладников